

Денис ЛИПАТОВ

ПО-АЦТЕКСКИ ГОВОРИТЬ

Алла Поспелова. Цветы и песни: Сборник стихотворений. – М.: Издательство «СТИХИ», 2018. – 76 с. – («Срез». Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт». Книга седьмая).

Книга Аллы Поспеловой «Цветы и песни» начинается с небольшого предупреждения, адресующего читателя к довольно экзотическим для русской поэзии историческим ландшафтам – к доколумбовой Америке. «Дети солнца – насельники средневековой Месоамерики – считали, что в мире есть только две необходимые для совершения суточного и годового циклов времени вещи, две эти вещи, и только их необходимо ежедневно дарить Богу Солнца... песни и цветы. Ради исполнения этого красочного обряда месоамериканские города вели цветочные войны. Войны ради песен и цветов...» – сообщает читателю. После такого интригующего вступления, задающего целый спектр ожиданий и возможностей, иной читатель с некоторым разочарованием увидит, что возможности эти реализуются совсем не так, как ему представлялось и, вероятно, хотелось бы – у книги даже отсутствует подзаголовок «переводы с ацтекского», что, надо согласиться, выглядело бы не тривиально, даже таинственно и открывало бы непредсказуемые, на первый взгляд, перспективы для поэтики и лирического высказывания. Во всяком случае, такой подзаголовок выглядел бы вполне логичным после обещаний авторского предупреждения, подтверждаемых, казалось бы, и оформлением книги, в котором «использованы месоамериканские фрески и рисунки классического периода». Но читатель, уже нарядившийся в разноцветные перья, разукрасивший лицо боевым орнаментом, может быть даже раздобывший маску какого-нибудь кровожадного дракона и выбравший себе звучное имя Кетцалькоатль, вдруг с удивлением обнаруживает, что с ним вовсе не собираются играть в индейцев. Окончательно в этом легковёрный «индеец» убедится, увидев на 11 странице стихотворение с названием «Еврейские стансы». Здесь случайный «индеец» уже, наверное, захлопнет книгу и пойдёт умываться – ну и Уицилопочтли (это такой верховный ацтекский бог) с ним – а мы, настоящие, правильные «индейцы», т.е. читатели, забыв даже про боевую раскраску на лице и перья на голове, в «Еврейских стансах» прочтём, например, следующее:

*Люди с отчеством, как у тебя, не нужны отчизне,
Значит, только с нею порвав, обретают счастье...*

и, почувствовав, как наше ацтекское сердце откликнулось на эти строки тоской по утраченной, растоптанной Кортесами родине, заподозрим в книге творческую задачу, вероятно, более высокого порядка, чем просто «игра в индейцев-поэтов» и «переводы с ацтекского».

Т.е. автор не соблазняется лёгкой экзотикой, не рядится в маски мифических драконов, не воображает себя «ацтекским поэтом», словом, и правда отказывается «поиграть в индейцев». И в этом нам видится ответственная и осознанная позиция серьёзного взрослого поэта: не играть в игры, перекусившись, допустим, в индейца, стараясь «убежать» от надоевшей, иногда тошнотворной реальности, а взглянуть на эту реальность «под другим углом», увидеть и в ней, какой бы она ни была, поэтическое, песни или цветы, достойные приношения:

Старик воняет потом и вином,

*Девчонка пахнет куревом и пивом,
Всё это тошнотворно и противно.
Давай посмотрим под другим углом:
Ты осязаешь, обоняешь – ты живёшь!
Кто довязал тебе крапивную рубашку?
Дышать легко и умирать не страшно,
Ты не летишь, под зонтом ходишь в дождь...
Ан нет – не довязали – вон крыло!..*

Быть благодарным уже за то, что осязаешь, обоняешь, живёшь. Ну и что, что «девчонка пахнет куревом и пивом» – не все цветы благоухают. Но от этого они не перестают быть цветами. Предметом поэтического восторга и благодарности становится не их благоухание или вонь, а способность обонять. А поэтому «дышать легко».

Запахи вообще занимают значительное место в поэтике Пospelовой, что логично для книги, в названии которой присутствует слово «цветы». Она слышит их постоянно. Из процитированного выше стихотворения видно, что не чурается никаких. А есть в книге и стихотворение, которое начинается даже так: «Я крови не боюсь / мне нравится и вкус её и запах...». Запахи создают своеобразный фон в книге, благодаря им становятся ощутимы другие образы стихотворений, они оживают, приобретая движение и объём. Зачастую послание, передаваемое в стихотворении, «закодировано» запахом:

*Мне нравится, что на дворе июль,
Цветут цветы и пахнет спелым хлебом,
И марева тяжёлый плотный тюль,
И ничего не нужно, кроме неба,
Гул овода, идущего на взлёт,
Плеск детворы в поросшей ряской луже,
Звон солнца об оконный переплёт,
И кроме неба, ничего не нужно.*

Здесь запах «спелого хлеба» – то есть не булки, не буханки, не испечённого хлеба (хотя и он, конечно, в подсознании возникает), а когда он ещё в поле, когда это ещё колосья – помогает услышать и «гул овода, идущего на взлёт», и «плеск детворы в поросшей ряской луже», и «звон солнца об оконный переплёт», делает этот гул, плеск, звон – осязаемыми, выпуклыми, зримыми. Заметим попутно, насколько всё это простые вещи, часто просто уже не замечаемые нами, что называется, привычно не замечаемые. И насколько это всё же прекрасно – обладать возможностью, способностью эти простые вещи почувствовать.

Поэт напоминает и себе и нам о ценности этих простых, бесплатных, дарованных чувств, наслаждается ими, даже переосмысляет их как третий способ существования в противовес первым двум, хорошо всем знакомым – либо работа, либо отдых:

*Хочу рассвет нежней,
Закат – закатней,
И чтоб коровой пахло молоко, (снова запах – Д.Л.)
И чтобы всех моих хвостатых братьев
Беречь и понимать легко.*

*Я не хочу работать и лениться.
Хочу гулять – смотреть на облака,
Купаться в море, пусть мне только снится
Холодная уральская река.*

*Хочу дождливых зим и жарких вёсен,
И на веранде узкую кровать,
И чтоб тоскливым русским словом «осень»
Мне было просто нечего назвать.*

Пусть даже зима выдалась не снежной, а дождливой, это не повод для уныния. Главное – мы можем, способны её ощутить.

Вообще известно, что поэзия, прекрасное, как правило, и скрываются в самых простых, обыденных, даже привычных вещах. Как раз поэтому их так трудно разглядеть, почувствовать, рассказать, и поэтом, как правило, называется тот, кто, обладая нетривиальным взглядом на тривиальные вещи, может это сделать. Увидев, преобразить. Потому что иначе – никак. Потому что иначе куда же ты денешься из своей Месоамерики, если даже Колумб к тебе ещё не приплыл? И тебе, чтобы прорваться в другую реальность, остаётся только или напиток пьянящего шоколада, или, став поэтом, научиться самому видеть и преображать окружающую реальность. А увиденное, преображённое может стать, например, надёжным оберегом от тоски и уныния или даже и более серьёзных жизненных неурядиц:

*Здесь будет плохо,
Холодно, темно.
На радость дворне, шавкам и шакалам.
А мы с тобою, разливая по бокалам
Прохладное тягучее вино,
Расправим плечи, брови, лбы и крылья.
Решим, что нам не то чтоб всё равно,
Но не по нам тоска, война, бессилье.*

Но нельзя сказать, что и читатель, жаждущий всё-таки месоамериканской экзотики, уйдёт уж совсем не солоно хлебавши. Её мотивы слышатся нам, например, в таком, уже упомянутом выше по другому поводу, стихотворении:

*я крови не боюсь
мне нравится и вкус её и запах
случайно палец уколов
люблю смотреть на солнце сквозь рубиновые капли
врачи твердят что это анемия
им придаёт такой прозрачный цвет*

*но тёплые гранатовые бусы
шипастые коралловые серьги
корунды и горячие рубины
и платья цвета крови мне идут*

Надо заметить, что культ крови является сюжетообразующим в религиозной мифологии ацтеков. Своей кровью постоянно жертвуют – боги, ради помощи человечеству, люди – чтобы отблагодарить богов. Возникает эдакое «мировое кровообращение».

Нет, можно было бы, наверное, поиграть в эту игру и предложить некий корпус «ацтекских текстов», «переводов», даже и с некими полунамёками и проекциями на нашу сегодняшнюю действительность. Тем более что, предприняв для написания данной рецензии некоторые изыскания в Интернете, мы с удивлением обнаружили, что образцы

аутентичной ацтекской поэзии действительно существуют и даже переводились на европейские языки. И образцов этих – несколько десятков, и даже известны имена поэтов! Например, некто Куакуацин. (Вообразим, что это мог быть ацтекский Гомер или Пушкин.) И даже сообщается, что основная тема, волновавшая ацтекских поэтов, звучит так: жизнь – реальность или сон? Иначе говоря, есть от чего оттолкнуться, чем загореться. Возможно было, например, предположить, какой предстала бы их поэзия, если бы от неё сохранилось не несколько десятков текстов, а, скажем, несколько сотен, о чём она была, какие ещё темы могли бы в ней получить развитие, и что в ней было бы интересно сейчас. Попробовать провести некоторые параллели, подобно тому же индейцу, наносящему на лицо параллельные линии ритуального рисунка. Разработать некоторые известные сюжеты их, в общем-то, невесёлой истории. Придумать эпос. Назвать его, скажем, «Цветочная война». (Хотя «современному индейцу» при этом словосочетании на ум в первую очередь придут, скорее всего, войны «цветочной мафии» за передел рынков сбыта.) Не стало бы дело и за элегическими стихами. Напрашиваются, например, «песня идущего на заклание», т.е. обречённого быть принесённым в жертву, и, как ответ, песня жреца, осуществляющего жертвоприношение. Песнь воина. Песнь пленного. Песнь землешца. Песня девушки: девушки-невесты, девушки, опять же обречённой жертвоприношению, девушки, потерявшей любимого... и т.д. и т.п. Задрапировать всё это цветастым словарём и непроизносимыми на русском без спотыканий именами ацтекских вождей и богов. Уверен, поэт Алла Пospelова с такой задачей легко бы справилась. И что? А может быть, и ничего. Не пошло же испанцам впрок золото Монтесумы. Ещё неизвестно, нужны ли будут такие стихи в культурном смысле. Насколько они могут быть художественно правдоподобны. Ведь, строго говоря, всё это было бы хоть и увлекательной, но, по совести, безответственной выдумкой: мы же не знаем наверняка, насколько в их культуре допускалось такое самовыражение личности, и что вообще в себя включало само понятие личности. Фактически не имеем точного представления, кем себя мыслил человек в их культуре, к чему стремился, какие личные проблемы был вынужден преодолевать по мере взросления, какие взаимоотношения могли его связывать с другими людьми, кроме родственных или кастовых, и что было важнее, чего он боялся, а чего желал, что он мог себе позволить, а что считал преступлением, что находил прекрасным, а что – безобразным? Обо всём этом мы можем судить только с известной долей оговорок, исходя из своего личного опыта. И все эти вопросы сводятся, в принципе, к одному – в какой степени их культура была *гуманитарной*? Т.е. в какой степени её волновали переживания отдельного человека? А ведь кажется, что в самой минимальной и вообще почти не волновали, чему свидетельством традиция человеческих жертвоприношений. Переживания мифических Кетцалькоатля и Уицилопочтли волновали, а реально существующих здесь и сейчас людей – нет. То есть предположение о возможности личного лирического высказывания в условиях ацтекской культуры становится художественно неправдоподобно. Видимо, это было довольно жестокое общество, и прекрасного – в нашем понимании – мы там почти не встретим. Кстати, упоминаемые в начале книги, в предуведомлении, «цветочные войны» ацтеков («воюющие» армии встречали друг друга цветами – отсюда название) хотя и были ритуальными – то есть, по сути, были специально инициированными играми, а не настоящими войнами из-за неких политических кризисов или борьбы за ресурсы – тем не менее не были такими уж безобидными. «Войны» велись между тремя ацтекскими городами, их целью был «обмен» – представляемый в ходе игры как захват – пленными, которых потом в течение года приносили в жертву в ходе многочисленных религиозных обрядов. Потребность в ритуальных «цветочных войнах» возникла, когда все племена и народы доступной ацтекам ойкумены уже влились в их империю, и вести реальные войны было уже просто не с кем и не за что. В таких индейцев, и правда, не очень хочется играть. И только под преображающим взглядом поэта весь кровавадный исторический ужас «цветочных войн» забывается и превращается в прекрасную легенду. Из кровавого месива настоящих

«цветочных войн» извлекается поэзия. Чем не творческая задача? Поэт делает единственно возможное и художественно правдоподобное предположение: во все времена на всех континентах люди в основе своей, *онтологически*, одинаковы. Какой бы жестокой не была культура, какие бы жертвоприношения не практиковала, как бы она не утверждала культы различных кровожадных богов, подчёркивая ничтожность человеческой личности, запрещая ей всякое самовыражение и переживание, врождённые человеческие страхи и стремления никуда не исчезают. Всем свойственно бояться смерти, одиночества, несправедливости, переживать влюблённость, тянуться к прекрасному, несмотря ни на какие запреты и традиции. Страдать от того, что жизнь расходуется на пустяки, а на главное, необходимое – не хватает времени. И чтобы поговорить об этом, например, «по-ацтекски», совсем не обязательно рядиться в перья или наносить на лицо боевую раскраску. Достаточно, услышав себя, понять, что «есть только две необходимые для совершения суточного и годового циклов времени вещи... цветы и песни».